

ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

I

- Да-с, никогда не думал, никогда не думал. Вдруг я - завоеватель! Писал себе этюды, готовил картину, - что-нибудь весьма особенное - ни Пикассо, ни Матисс, ни Гоген, а тоже такое... Ах, какая чепуха все эти мои необыкновенные идеи... То меланхолия, бывало, заест, то проснусь ночью и смотрю на пустое полотно... и кажется вот-вот-вот... а дойдешь до дела, - ничего не выходит. Так что, я думаю, вся эта моя живопись была одной нервностью, а не искусством. Да и мы все таковы, - возбуждаемся чрезвычайно быстро и легко, самыми только кончиками нервов; дальше, в глубину, ничего не идет, одни эти кончики-пупочки работают в мозгу, и происходит точно радужная игра на поверхности, точно нефть на реке. Да и не только живопись, не только искусство, а и жизнь - одни пятна нефти. Духа нет ни в чем, заколочен он, закован, загнан в такую темноту, в такую глубину - дух, что я уже не знаю, какая нужна катастрофа, чтобы он поднялся до моего сознания. А эти радужные круги, мелочь вся, не нужны! Нет! Чёрт с ними! Знаете, мы выставку, например, устраиваем. И еще до открытия выставки все насмерть перегрыземся, честное слово, а публика приходит на вернисаж свои туалеты показывать, а не смотреть на наше откровение. Я себя понимаю, - как на асфальте, солнце светит, а в луже облака отражаются и вся бесконечность, а подул ветер - и ничего, кроме лужи, нет, никакой бесконечности, так что я больше от барометра завишу, чем от бога, честное слово.

Демьянов сжал рот и замолк на мгновение. Он сидел на войлочной подстилке между двух товарищей - офицеров. Сдвинув фуражку, подняв худое, бритое лицо, он медленно мигал, охватив колени. Перед ним, сбоку высокого шоссе, на кочковатом поле горело множество небольших костров. Около них стояли, сидели, лежали солдаты. Вспыхивающее пламя выдвигало из темноты груженные двуколки, очертания коней, опустивших морды, составленные треножником ружья. Осенние звезды иногда тускнели, задернутые несущимся тонким, невидимым облаком тумана. Белый и плотный туман этот разлился по реке, пересекающей поле, сделал ее широкой и космато й. Было совсем тихо. Слышно, как хрустели лошади и бранился утомленный дневным переходом солдат,

- И вот представьте, я - завоеватель. Иду покорять страны, - продолжал Демьянов, - об этом я только читал в истории да в романах. Но мало ли что пишут, - правда? А пошел я на войну не потому, что мне было приказано, и не потому, что ненавижу австрийков, и не потому, что мне нужна завоеванная страна. Я не знаю, для чего пошел, но меня точно ветер поднял. Да и не только меня, - всех. Но я знаю одно, - завоеватель должен чувствовать себя сильнее духом, чем те, кого идем покорять. Но когда начну думать об этом, получается страшный сумбур. С прошлым, со всем, что я делал до сегодняшнего дня, покончено. Вчерашнее мне не нужно, завтрашнего не знаю. А душа полна, страшно полна...

Офицер, лежащий справа, опираясь на локоть, протянул подошвы к догорающим углям, улыбнулся и проговорил:

- Знаете, а я никогда так не думаю, как вы. Мне ужасно нравятся звезды, костры, солдаты, туман...

- И Надежда Семеновна, - сказал второй офицер, он лежал позади Демьянова навзничь, подсунув ладони под затылок.

- Да, конечно, но это вовсе не причина того, отчего мне все нравится, - сейчас же ответил первый. - Надежда Семеновна - замечательная девушка, такой нет еще, и вовсе я не потому говорю, что я что-нибудь, а потому, что она, понимаешь ли, совершенная... вот такая... - не найдя слов, чтобы рассказать, какая Надежда Семеновна, он сел и затем ногами ударил по тускнеющим углям; они рассыпались, засияли, и несколько искр поднялось, полетело над сырой травой, погасло в воздухе.

После молчания лежащий офицер сказал:

- Разумеется, я навек счастлив, слушая ваши разговоры, господин прапорщик и господин подпоручик; но не угодно ли вам проверить сторожевое охранение. Смеем заметить, что мы уже не в России и завтра можем попасть в бой. Уходите к чертям с моей кошомки, я хочу спать.

Демьянов поднялся, оправил пояс, фуражку, поглядел на угли и пошел мимо костров в темное поле, где, если пригнуться, можно различить на еще не погасшей заревом полоске одинокие фигуры часовых. Из тумана над речонкой кричал коростель.